

Нашествие джунглей

Редьярд Киплинг

Если вы читали рассказы первой Книги Джунглей, вы помните, как, прикрепив шкуру Шер Хана к Скале Совета, Маугли сказал уцелевшим волкам сионийской стаи, что с этих пор будет охотиться один, и как его братья – четыре волка – объявили, что они станут охотиться вместе с ним. Но трудно в одну минуту изменить жизнь, особенно в джунглях. Стая в беспорядке рассеялась; Маугли же пошёл в пещеру своих волков, лёг и проспал целый день и целую ночь. Потом он рассказал Матери и Отцу Волкам всё, что они могли понять из его приключений среди людей, и, когда мальчик заставил утреннее солнце поиграть на лезвии своего ножа, того самого, которым он снял шкуру с Шер Хана, – они согласились, что их сын кое-чему научился. Акеле и Серому Брату тоже пришлось объяснить двоим старым волкам, как они помогли Маугли загнать буйволов в ров. В своё время и Балу поднялся на гору, чтобы выслушать всё это, а Багира почёсывалась от восторга при мысли об удачном окончании борьбы Маугли с тигром.

Солнце давно встало, но никто из них не думал ложиться спать; во время разговора Волчица Мать часто вскидывала свою голову и с наслаждением втягивала в себя воздух, когда ветер приносил ей запах шкуры, повешенной на Скале Совета.

– Но без Акелы или Серого Брата, – в заключение сказал Маугли, – я ничего не сделал бы. О матушка, матушка, если бы ты видела, как чёрные домашние буйволы неслись по ложбине или как они теснились в воротах, когда людская стая кидала в меня камни.

– Хорошо, что я не видела последнего, – заметила Волчица Мать. – Не в моих правилах спокойно смотреть, как моих детёнышей, точно шакалов, гоняют взад и вперёд. Уж я то заставила бы людскую стаю поплатиться за это; но я пощадила бы женщину, которая дала тебе молока. Да, пощадила бы только её одну.

– Полно, полно, Ракша, – ленивым тоном сказал Отец Волк. – Лягушечка снова с нами; Маугли вернулся таким мудрым, что его собственный отец должен лизать ему ступни; а что значит одним порезом на голове больше

или меньше? Оставь в покое людей.

Балу и Багира в один голос повторили:

– Оставь в покое людей.

Маугли прижался головой к Матери Волчице, с удовольствием улыбнулся и сказал, что лично ему не хочется когда-либо снова видеть человека, слышать человеческий голос или чуют людей.

– А что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат? – сказал Акела, приподнимая одно ухо.

– Нас пятеро, – вставил своё слово Серый Брат, окинул взглядом всё общество и при последнем слове щёлкнул зубами.

– Мы тоже можем принять участие в этой охоте, – сказала Багира, слегка шевеля своим хвостом и глядя на Балу. – Но почему ты заговорил о людях, Акела?

– Вот по какой причине, – ответил Одинокый Волк, – когда шкуру жёлтого вора повесили на скале, я вернулся к деревне по нашему прежнему пути, наступал на отпечатки своих собственных ног, сворачивал в сторону, ложился, всё для того, чтобы запутать след на случай, если кто-нибудь двинется за нами. Когда я настолько запутал его, что сам едва ли разобрал бы, где недавно бежали мои ноги, нетопырь Манг проскользнул между деревьями и повис надо мною. Он сказал: «Селение людской стаи, которая выгнала человеческого детёныша, гудит, точно осиное гнездо».

– Я бросил туда большой камень, – посмеиваясь, заметил Маугли, который, бывало, ради забавы часто кидал спелые орехи в осиные гнёзда, убежал к ближайшему озерку и нырял в воду раньше, чем осы настигали его.

– Я спросил Манга, что он видел. Манг ответил, что Красный Цветок расцвёл у деревенских ворот; что около него сидели люди и держали в руках ружья. Мне по собственному опыту известно, – Акела взглянул на старые засохшие рубцы на своём боку и ляжке, – что люди не берутся за ружья ради забавы. Скоро, Маленький Брат, человек пойдёт по нашему следу, если уже не двигается по нему.

– Но зачем? Ведь люди выгнали меня? Чего же им ещё нужно? – сердито спросил Маугли.

– Ты человек, Маленький Брат, – возразил Акела. – Не нам, Свободным Охотникам, объяснять тебе, что сделают и чего не сделают твои братья, и почему они поступят так или иначе.

Одинокий Волк едва успел поднять свою лапу; нож вонзился глубоко в землю там, где только что была она. Маугли опустил оружие так быстро, что обыкновенное человеческое зрение не уследило бы за движением этого острого лезвия, но Акела был волком; между тем даже собака (а в смысле ловкости ей далеко до волка, своего предка) может мгновенно проснуться от глубокого сна, почувствовав прикосновение наехавшего на неё колёса и отскочить в сторону раньше, чем оно придавит её.

– В другой раз, – спокойно сказал Маугли, вкладывая нож в ножны, – говоря о человеческой стае и о Маугли, не соединяй эти слова вместе.

– Пфф! Острый зуб, – заметил Акела, обнюхивая след, оставшийся в земле от ножа, – однако, живя среди людей, ты потерял верность глаза, Маленький Брат. Пока нож опускался, я успел бы убить оленя.

Багира поднялась на ноги, вскинула голову как можно выше, понюхала воздух, и все мускулы её тела напряглись. Примеру пантеры последовал Серый Брат, но отодвинулся влево, чтобы на него пахнул ветер, который дул с правой стороны; Акела сделал несколько прыжков навстречу ветру и, слегка присев на задние ноги, тоже напряг свои мышцы. Маугли с завистью посмотрел на них. Он обладал таким обонянием, каким одарены не многие люди, но никогда не мог развить, так сказать, тонкой, точно нежнейшая паутина, остроты чутья жителей джунглей, а три месяца, проведённые им в дымной деревне, сильно его притупили. Тем не менее он увлажнил свой палец, потёр им о нос и выпрямился во весь рост, чтобы поймать запах верхних слоёв воздуха, правда очень слабый, зато вполне определённый.

– Человек, – проворчал Акела и сел.

– Бульдео, – сказал Маугли и опустился на землю. – Он идёт по нашему следу, и на его ружьё блестит солнечный свет. Смотрите.

На медных затворах старого мушкета в течение доли секунды блеснул свет; в джунглях бывает такая вспышка света, только когда по небу несутся

облака. Тогда кусочек кварца, лужица или даже очень гладкий лист вспыхивает, как гелиограф; но стоял безоблачный и тихий день.

– Я знал, что за нами пойдут люди, – торжествующим тоном сказал Акела. – Недаром водил я стаю!

Четыре брата волка ничего не сказали, только поползли на животах с горы, скрываясь в терновниках и низких кустах, как крот в траве на лугу.

– Куда вы идёте, да ещё не сказав ни слова? – крикнул им Маугли.

– Тсс, раньше полудня мы прикатим сюда его череп, – ответил Серый Брат.

– Назад! Назад и ждите! Человек не ест человека, – крикнул Маугли.

– Кто только что был волком? Кто ударил меня за то, что я подумал, будто он может быть человеком? – сказал Акела, когда четыре волка мрачно вернулись и легли подле ног Маугли.

– Разве я должен давать отчёт во всём, что мне вздумается сделать? – с бешенством спросил Маугли.

– Это настоящий человек! Это говорит человек! – про себя промурлыкала Багира. – Именно так говаривали люди около королевских клеток в Удейпуре. Мы, жители джунглей, знаем, что человек самое мудрое из всех созданий. А послушав его, мы решили бы, что он безумнее всех остальных. – Вслух пантера прибавила: – Человеческий детёныш в этом отношении прав. Люди охотятся стаями. Неразумно убить одного из них, не узнав раньше, что собираются сделать остальные. Пойдёмте посмотрим, что замыслил против нас этот охотник.

– Мы не пойдём, – проворчал Серый Брат. – Охоться один, Маленький Брат. Мы-то знаем, чего хотим. Мы давно принесли бы сюда череп.

Маугли переводил взгляд с одного из своих друзей на другого; его грудь высоко вздымалась; к глазам подступали слёзы. Он подошёл к волкам и, опускаясь на одно колено, сказал:

– Разве я не знаю, чего хочу? Смотрите на меня!

Они беспокойно посмотрели на него; их глаза блуждали, а Маугли всё звал и звал их, наконец их шерсть ошетижилась и они задрожали; Маугли же продолжал пристально смотреть на своих четырёх братьев.

- Ну, - сказал он, - кто из нас пятерых - вожак?

- Ты, Маленький Брат, - ответил Серый Брат и стал лизать ногу Маугли.

- В таком случае, идите за мной, - приказал Маугли, и четыре волка, поджав хвосты, пошли за ним по пятам.

- Вот что значит пожить среди людей, - сказала Багира и скользнула за ними. - Теперь у нас в зарослях господствует не только Закон Джунглей, Балу.

Старый медведь ничего не сказал, но в его голове теснилось много-много мыслей.

Маугли бесшумно прошёл через джунгли, под прямым углом к тропинке Бульдео; наконец, раздвинув нижние кусты, он увидел, что старик охотник, закинув за плечо мушкет, бежал собачьей рысью по следу, проложенному две ночи тому назад. Вспомните: Маугли вышел из деревни с тяжёлой шкурой Шер Хана на плечах, и Акела с Серым Братом бежали позади него; следовательно, их ноги оставили ясные отпечатки. Вот Бульдео дошёл до того места, где, как вам известно, Акела запутал след. Охотник сел, закашлялся, забормотал что-то, потом принялся медленно бродить вокруг в надежде разобрать направление отпечатков ног, а всё это время Маугли и его друзья были так близко от старика, что он мог бы попасть в них камнем. Ни одно существо в мире не способно красться так бесшумно, как волк, не желаящий, чтобы его заметили, и хотя, по мнению зверей, Маугли двигался неуклюже, он скользил, как тень. Все они окружали старого охотника, как выводок дельфинов окружает идущий на всех парах пароход, и свободно разговаривали; речь зверей начинается с такой низкой ноты, что несовершенный слух человека не может уловить её. (Кончается же их шкала высоким писком нетопыря Манга, писком, недоступным для уха многих людей. С этой высокой ноты начинается речь птиц, летучих мышей и насекомых.)

- Это веселее, чем убивать, - сказал Серый Брат, когда Бульдео наклонился и, отдуваясь, стал разглядывать почву. - Он похож на свинью, заблудившуюся близ реки. Что он говорит? (Бульдео ожесточённо бормотал

что-то.)

Маугли перевёл.

– Он говорит, что здесь, вероятно, бежало несколько волчьих стай. Теперь: что никогда в жизни он не видывал такого следа и что он устал.

– Раньше, чем ему удастся распутать след, он ляжет отдыхать, – холодно заметила Багира и обогнула ствол дерева, продолжая прежнюю игру в прятки. – Ну а что будет теперь делать это тощее существо?

– Есть или выпускать изо рта дым. У людей вечно заняты рты, – сказал Маугли.

Молчаливые наблюдатели действительно увидели, как старик набил свою трубку, раскурил её, выпустил клуб дыма, и постарались хорошенько запомнить запах его табака, чтобы в случае нужды узнать Бульдео даже в самую тёмную ночь.

Вскоре на тропинке показалось несколько выжигателей угля и, конечно, они остановились поговорить с Бульдео, так как он считался лучшим охотником на протяжении миль двадцати; они сели, стали курить, а Багира и её спутники подошли к ним, наблюдая за происходящим. Бульдео рассказывал о Маугли-дьяволе, с новыми прибавлениями и с новыми вымыслами. Он говорил, что собственноручно убил Шер Хана; что Маугли превратился в волка, весь день дрался с ним, снова обернулся мальчиком и заколдовал его ружьё, а потому выпущенная им, Бульдео, пуля сделала поворот и, не попав в намеченную цель, убила одного из его же буйволов; что жители селения, считая его самым отважным охотником в целой области, поручили ему убить этого юного дьявола, а сами задержали Мессуа и её мужа, родителей чертёнка; что поселяне заперли их обоих в их собственной хижине и собирались в скором времени начать пытку, с целью заставить негодных людей сознаться, что они колдун и колдунья, а потом заживо сжечь.

– Когда? – спросили угольщики; им очень хотелось присутствовать при этой любопытной церемонии.

Бульдео ответил, что до его возвращения ничего не предпримут, так как в деревне желали, чтобы он прежде застрелил дикого мальчика из джунглей. По окончании первого дела они расправятся с ведьмой и её мужем и разделят между собой их земли и буйволов. Кстати, у мужа Мессуа были

прекрасные буйволы! Бульдео считал, что уничтожать ведьм и колдунов доброе дело и что люди, впускающие в свой дом волчье отродье из джунглей, несомненно, колдуны самого худшего толка.

- Но, - спросили угольщики, - что будет, если об этом услышат англичане?

Как им говорили, англичане - сумасшедшие, мешающие честным землепашцам спокойно убивать колдунов.

Бульдео сказал, что староста объявит, будто Мессуа и её муж умерли от укуса змеи. Это было давно решено. Остаётся только убить волчьего сына. Не видали ли они, угольщики, дикого мальчика?

Угольщики опасливо огляделись кругом и поблагодарили милостивые звёзды за то, что не встречали его; однако они не сомневались, что такой храбрый охотник, как Бульдео, отыщет страшную тварь, если только кто-нибудь в силах её найти.

Солнце стояло очень низко, и угольщики решили пойти в селение Бульдео и посмотреть на ужасную колдунью. Бульдео заметил, что ему нужно выследить дьявольское отродье, но что он не позволит невооружённым людям идти через джунгли, в которых ежеминутно мог появиться дьявол-волк. Он отправится с ними, а если из чащи выскочит сын колдуна, что же? Он покажет им, как лучший во всей области охотник поступает в подобных случаях. По словам Бульдео, брамин дал ему амулет, отвращающий опасность.

- Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит? - ежеминутно повторяли волки.

Маугли переводил, но когда дело дошло до волшебства, о котором он сам имел мало понятий, юноша сказал только, что мужчина и женщина, которые так хорошо обходились с ним, попали в ловушку.

- А разве человек ловит человека? - спросила Багира.

– Так говорит он. Я не понимаю. Все они сумасшедшие. Почему Мессуа и её мужа из-за меня посадили в ловушку; и почему они так много говорят о Красном Цветке? Мне нужно это узнать. Во всяком случае, до возвращения Бульдео они не могут ничего сделать с Мессуа, а потому... – Маугли глубоко задумался; его пальцы перебирали рукоятку ножа для снятия кож с животных.

Между тем Бульдео и угольщики храбро двинулись вперёд.

– Я сейчас же бегу обратно к стае людей, – наконец сказал Маугли.

– А что же делать с этими? – спросил Серый Брат, окидывая голодным взглядом коричневые спины удалявшихся угольщиков.

– Спой им песню, и пусть они идут домой, – сказал Маугли и усмехнулся. – Я не хочу, чтобы они раньше вечера пришли к воротам селения. Можете ли вы, Братья, задержать их?

Серый Брат презрительно оскалил свои белые зубы.

– Мы можем заставить их кружиться, как привязанных коз. Недаром я знаю людей.

– Этого не нужно. Спой песенку, а то им будет скучно идти и, знаешь, Серый Брат, пусть это будет не слишком-то сладкая песенка. Иди с ними, Багира, и помоги им. Когда же совсем стемнеет, дождитесь меня подле селения. Серый Брат хорошо знает все эти места.

– Нелегко работать на человеческого детёныша! Когда же я выплусь? – сказала Багира, зевая, хотя её глаза доказывали, что забава восхищает её. – Это я-то буду петь для бесшёрстных людей! Но – попробуем.

Пантера опустила голову так, чтобы звук полетел далеко. И вот, среди дня, раздался полночный призыв «хорошей охоты», и это послужило достаточно страшным началом. Маугли слышал, как рёв Багиры перекачивался, усиливался, ослабевал и, наконец, совсем замер в жалобном стоне. И, пускаясь в путь по зарослям, мальчик усмехнулся. Он увидел, что угольщики столпились; что дуло ружья старого Бульдео дрожало, как лист банана, и вертелось во все стороны. Теперь из горла Серого Брата вырвалось: «Иа-ла-хи! Иа-ла-хи!» – призыв, который раздаётся, когда стая гонит нильгау (крупных антилоп); казалось, вой этот долетел с конца земли, всё

приближался и приближался, и внезапно окончился визгом и лязгом зубов. Серому Брату ответили три остальные волка, и даже Маугли мог бы поклясться, что воет целая волчья стая. Ещё минута – и все они вместе запели великолепную утреннюю песню джунглей со всеми её переливами, украшениями, высокими нотами, словом, со всем, что доступно голосистому волку. Вы можете себе представить, как была прекрасна эта песня, разливавшаяся среди тишины джунглей. Она начинается словами: «Давно наши тела не бросали теней на долину».

Невозможно передать впечатления, которое производила эта серенада; невозможно выразить того презрения, с которым четыре волка выговаривали каждое её слово, слыша, как деревья трещат под тяжестью карабкавшихся на их вершины людей. Бульдео снова забормотал заклинания. Вот звери легли и заснули. Как все существа, живущие собственным трудом, они были методичны. Кроме того, никто не может хорошо работать, не выспавшись.

Между тем Маугли быстро бежал, делая по девять миль в час, и как же радовался он, чувствуя себя бодрым после долгих месяцев сидячей жизни среди людей. В его голове шевелилось только одно желание: освободить из ловушки Мессуа и её мужа. Ведь у него было естественное недоверие к западням. Он также намеревался, со временем, отплатить деревне за себя.

Только в сумерки завидел Маугли памятные ему пастбища и дерево дхак, подле которого его ждал Серый Брат в то утро, когда он убил Шер Хана. Хотя мальчик сердился на весь род людской, что-то заставило его горло сжаться и с трудом перевести дыхание при взгляде на крыши домов. Маугли заметил, что поселяне необыкновенно рано вернулись с полей и, не занимаясь приготовлением пищи, столпились подле большого дерева, говорили и кричали.

– Люди вечно должны ставить ловушки для людей; без этого они не чувствуют себя довольными, – прошептал Маугли. – В прошедшую ночь ловили Маугли... Но мне кажется, что это случилось много-много дождей тому назад. Теперь ловят Мессуа и её мужа. Завтра опять наступит черёд Маугли.

Он пополз вдоль ограды, наконец увидел хижину Мессуа и через окно заглянул внутрь комнаты. На полу лежала Мессуа; ей завязали рот, чтобы она не кричала, а руки и ноги скрутили; она дышала тяжело и стонала. Её мужа привязали к ярко расписанной кровати. Выходившая на улицу дверь

дома была крепко заперта; три или четыре человека сторожили её снаружи, прислонясь к ней спинами.

Маугли хорошо изучил нравы и обычаи жителей посёлка. Он сказал себе, что пока они могут есть, болтать и курить, им не вздумается делать ничего иного; сытые же они, по его мнению, становились опасны. Скоро придёт Бульдео и, если его спутники хорошо выполнили свою задачу, он принесёт с собой много очень занимательных рассказов. Итак, Маугли через окно проскользнул в хижину, наклонился над связанными мужчиной и женщиной, перерезал ремни, которые стягивали их, освободил их рты от кляпов и взглядом поискал в комнате молока. Мессуа почти обезумела от страха и боли (её целое утро били палками и швыряли в неё камни), и Маугли положил на её губы свою руку, как раз вовремя, чтобы не позволить ей крикнуть. Её муж был только смущён и рассержен; теперь он сидел, стараясь освободить свою исщипанную бороду от пыли и соринки, попавших в неё.

– Я говорила, что он придёт, – наконец, всхлипывая, прошептала Мессуа – Теперь я знаю, знаю, что он мой сын, – и она прижала Маугли к своему сердцу. До этой минуты он был совершенно спокоен, но теперь задрожал всем телом и сам удивился.

– Зачем эти ремни? Зачем они тебя связали? – помолчав, спросил мальчик.

– Чтобы убить нас, за то что мы приняли тебя к себе, как сына; за что же иначе? – мрачно проговорил муж Мессуа. – Смотри, я в крови.

Мессуа молчала, но Маугли посмотрел на её раны, и муж с женой услышали, как при виде крови мальчик скрипнул зубами.

– Чьё это дело? – спросил он. – Виноватому придётся заплатить за это.

– Дело всех поселян. Я был слишком богат и держал слишком много скота. Вот почему мы стали колдунами, после того как приняли тебя.

– Я не понимаю. Пусть Мессуа объяснит мне.

– Я напоила тебя молоком, Нату, помнишь? – застенчиво сказала она, – потому что ты мой сын, которого унёс тигр, и потому что я горячо любила тебя. И вот они сказали, что я, твоя мать, мать дьявола и заслуживаю смерти.

– А что такое дьявол? – спросил Маугли. – Смерть я видел.

Муж Мессуа мрачно посмотрел на мальчика; а Мессуа засмеялась.

– Видишь, – сказала она, – я знала, я говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын!

– Сын ли он или колдун, какая в этом польза? – ответил ей муж. – Мы всё равно что умерли.

– Вот там дорога в джунгли, – Маугли указал через окно, – ваши руки и ноги свободны. Идите!

– Мы не знаем джунглей так хорошо, мой сын, как... как ты, – начала Мессуа, – и вряд ли я буду в состоянии пройти далеко.

– Толпа мужчин и женщин скоро догонит нас и притащит обратно, – прибавил её муж.

– Гм, – протянул Маугли и пощекотал ладонь своей руки кончиком ножа. – Я не хочу причинить вред жителям деревни; не хочу «пока». Только я не думаю, что они остановят тебя. Очень скоро им придётся подумать о других вещах. А! – Он поднял голову и прислушался к гулу голосов и к топоту ног на улице. – Значит, они наконец позволили Бульдео вернуться домой.

– Сегодня утром его послали с поручением убить тебя, – произнесла Мессуа. – Ты его встретил?

– Да... мы... я... встретил его. Сейчас он начнёт болтать о своих приключениях, а тем временем мы успеем сделать многое. Но погодите: я узнаю, что они задумали. Подумайте, куда бы вы хотели уйти, и, когда я вернусь, скажите мне.

Он выскочил из окна и побежал опять-таки вдоль наружной стены деревни, наконец остановился там, где мог слышать, о чём рассуждает толпа около большого дерева. Бульдео лежал на земле, кашлял, стонал, и все задавали ему вопросы. Волосы старика рассыпались по его плечам; на его руках и ногах виднелись ссадины; он сорвал кожу, взбираясь на деревья. Говорил охотник с большим трудом, но наслаждался своей значительностью. Время от времени он бормотал что-то о дьяволах, дьяволах, поющих о волшебных чарах, так как хотел расшевелить любопытство толпы и подготовить слушателей к дальнейшему. Наконец старый охотник крикнул, чтобы ему

принесли воды.

«Ба, – подумал Маугли, – болтовня, болтовня. Слова, слова. Люди – кровные братья Бандар-лога. Теперь ему нужно промыть рот водой. Потом понадобится выпустить из губ дым; а после этого он начнёт рассказывать. Нечего сказать – мудрое племя – люди! Никто и не подумает сторожить Мессуа, пока рассказы Бульдео не наполнят их ушей. А я-то? Я становлюсь так же ленив, как они».

Маугли встряхнулся, скользнул обратно к хижине и, подбежав к её окну, почувствовал, что кто-то прикоснулся к его ноге.

– Матушка, – сказал Маугли, так как мгновенно узнал прикосновение лизнувшего его языка. – Что ты-то делаешь здесь?

– Я слышала, как мои дети пели в лесу, и побежала за самым любимым сыночком. Лягушечка, мне хочется взглянуть на женщину, которая дала тебе молока, – сказала волчица, вся покрытая росой.

– Они её связали и хотят убить. Я перерезал ремни, и она со своим мужем пойдёт через джунгли.

– Я побегу за ними. Я стара, но ещё не беззубая. – Волчица Мать стала на задние лапы и через окно заглянула в тёмную глубину хижины. Через минуту она бесшумно упала на все четыре лапы и сказала только: – Я дала тебе первое молоко, но правду говорит Багира: в конце концов человек уходит к человеку.

– Может быть, – ответил Маугли, и на его лицо легло очень неприятное выражение. – Но сегодня я далёк от пути к людям. Жди здесь, только не показывайся ей.

– Ты никогда меня не боялся, Лягушечка, – заметила волчица, отступая в высокую траву и скрываясь в ней так хорошо, как умела скрываться только она.

– Теперь, – весело сказал Маугли, снова вскочив в дом, – они сидят около Бульдео, который рассказывает то, чего никогда не было. Позже они, по его словам, придут сюда с Красным... с огнём и сожгут вас обоих. Ну, что же вы решили?

– Я поговорила с моим мужем, – ответила Мессуа, – Кханивара в тридцати

милях отсюда; там мы можем пойти к англичанам...

– А что это за племя? – спросил Маугли.

– Не знаю. Они белые; говорят, будто они управляют всей страной и не терпят, чтобы люди жгли или били друг друга без свидетелей. Если мы в эту ночь доберёмся до Кханивары, то останемся живы. Нет – умрём.

– Так живите же! Сегодня вечером ни один человек не выйдет из ворот. Но что это он делает?

Муж Мессуа, стоя на четвереньках, копал в одном углу хижины земляной пол.

– Там спрятано немного денег, – ответила Мессуа. – Ничего больше мы не можем с собой взять.

– Ах, да. Деньги... вещи, которые переходят из рук в руки и не становятся теплее. А в этом новом месте тоже нужны такие же штучки? – спросил Маугли.

Муж Мессуа сердито посмотрел на мальчика.

– Это дурак, а совсем не дьявол, – пробормотал он. – На деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что недалёко уйдём пешком, и через час нас нагонят жители деревни.

– Повторяю, они не выйдут, пока я им не позволю; но лошадь – дело хорошее, потому что Мессуа устала.

Муж Мессуа поднялся на ноги и завязал в свой пояс последние рупии. Маугли помог Мессуа выбраться через окошко, и свежий ночной воздух оживил её, но при свете звёзд джунгли казались такими тёмными, такими страшными.

– Вы знаете тропинку к Кханиваре? – шёпотом спросил Маугли.

Они утвердительно кивнули головами.

– Хорошо. Помните же, не бойтесь. И незачем идти быстро. Только... только, может быть, вы услышите в джунглях пение.

– Неужели ты думаешь, что мы решились бы ночью идти через джунгли, если бы не боялись, что нас сожгут? Лучше погибнуть от зверей, чем от рук

людей, – заметил муж Мессуа; она же посмотрела на Маугли и улыбнулась.

– Я вам говорю, – продолжал Маугли таким тоном, точно он был Балу и в сотый раз повторял какую-либо часть старинного Закона Джунглей глупому детёнышу: – говорю, что ни один зуб в джунглях не обнажится сегодня против вас; ни одна лапа в джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не преградит вам путь, пока вы не увидите Кханивару. Вас будут охранять. – Он быстро повернулся к Мессуа. – Он не верит, но ты-то поверишь?

– О, да, мой сын. Человек ты, дух или волк из джунглей, я верю тебе.

– Он испугается, услышав пение моего племени. Ты же узнаешь и поймёшь. Иди и не торопись. Торопиться незачем. Ворота закрыты.

Мессуа, рыдая, упала к ногам Маугли, но он быстро поднял её и весь задрожал. Тогда она кинулась ему на шею, призвала на него все благословения, которые только могла вспомнить. Её муж окинул завистливым взглядом свои поля и сказал:

– Если мы дойдём до Кханивары и англичане выслушают меня, я подам такую жалобу на брамина, на старого Бульдео и на других, что моя тяжба с ними обглодает весь посёлок до самых костей. Они заплатят мне двойную цену за мои невозделанные поля, за моих изголодавшихся буйволов.

Маугли засмеялся:

– Я не знаю, что такое справедливость, но вернись сюда к будущим дождям и посмотри, что здесь останется.

Они направились к джунглям; Волчица Мать выскочила из своего тайника и побежала за ними.

– Иди за ними, – сказал ей Маугли: – и дай знать джунглям, что этих двоих не следует трогать. Поговори немного, я хочу призвать Багиру.

Послышался продолжительный низкий вой, усилился, замер, и Маугли увидел, что муж Мессуа вздрогнул, повернулся, почти готовый бежать обратно в свой дом.

– Иди дальше, – весело сказал ему Маугли. – Я говорил, что, может быть, послышится пение. Такие голоса будут звучать до Кханивары. Это голос милости джунглей.

Мессуа уговорила своего мужа идти дальше, и тьма сомкнулась над ними и над Волчицей. В то же мгновение почти из-под самых ног Маугли поднялась Багира; она дрожала от восхищения, которое ночью наполняет безумием зверей джунглей.

– Я стыжусь твоих братьев, – промурлыкала пантера.

– Что? Разве они недостаточно сладко пели для старого Бульдео? – спросил Маугли.

– Пели слишком хорошо! Слишком хорошо! Они заставили даже меня позабыть свою гордость и, клянусь освободившим меня сломанным замком, я пробежала с пением через все джунгли, точно полная весенних радостей. Разве ты не слышал нас?

– У меня было другое дело. Спроси Бульдео, понравились ли ему ваши песни. Но где же четверо? Я не желаю, чтобы сегодня из этих ворот вышел хоть один человек.

– Зачем же в таком случае тебе четыре брата? – спросила Багира, переступая с лапы на лапу, с горящими глазами и мурлыкая громче обыкновенного. – Я могу удержать их, Маленький Брат. Можно ли, наконец, убивать? Звуки песен и вид людей, карабкающихся на деревья, вселили в меня желание охотиться. Что такое человек, чтобы мы заботились о нём? Безволосый, коричневый землепашец, бесшёрстый и беззубый поедатель земли. Я целый день кралась за ними, даже в полдень, среди белого солнечного света. Я гнала их, как волки гонят оленей. Я – Багира! Багира! Багира! Как я танцую с собственной тенью, так я плясала с этими людьми. Смотри! – Большая пантера подскочила, как котёнок прыгает за сухим листом, кружащимся над его головой, и стала вправо и влево бить лапами воздух, который свистел от этих ударов; она бесшумно опускалась на землю, подскакивала снова, а её голос – не то мурлыканье, не то ворчание – рокотал, будто пар, шумящий в котле. – Я – Багира! Кругом меня джунгли, надо мной ночь и сила моя со мной. Кто остановит меня? Человеческий детёныш, одним ударом лапы я могла бы расплющить твою голову, и она сделалась бы плоской, как мёртвая лягушка летом.

– Так ударь же, – сказал Маугли на наречии людей, и звук человеческих слов заставил Багиру остановиться; её ноги задрожали; она села, и её голова оказалась теперь на одном уровне с лицом Маугли. Он смотрел на пантеру, как недавно смотрел на своих непокорных братьев волков; его взгляд впился в зелёные, точно бериллы, глаза Багиры, и наконец красный отсвет в глубине их потух, как лучи отдалённого светящегося маяка гаснут, когда его тушат; пантера опустила веки, а также и свою большую голову; голова опускалась всё ниже и ниже, и вот красный, шершавый, как тёрка, язык, оцарапал ступню Маугли.

– Тише, тише, – прошептал он, нежно поглаживая зверя, начиная от его шеи по изогнутой спине, – тише, тише. Не ты виновата, виновата ночь.

– Вина ночных запахов, – с раскаянием произнесла Багира. – От них я потеряла рассудок. Но почему ты узнал об этом?

Понятно, кругом индусского поселения всегда носятся всевозможные запахи, и на животных, в ощущениях которых чуть ли не главную роль играет обоняние, запахи действуют таким же опьяняющим образом, как на людей музыка, вино или наркотики. Несколько минут Маугли успокаивал пантеру, и Багира легла, точно кошка перед камином, поджав передние лапы и полузакрыв глаза.

– Ты живёшь в джунглях, похож и вместе с тем не похож на нас, – сказала она наконец. – А я – простая чёрная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат.

– Как долго они болтают под деревом, – сказал Маугли, не заметив последней фразы Багиры. – Вероятно, Бульдео рассказал много историй. Им пора вытащить из ловушки женщину и её мужа и бросить их в Красный Цветок. А ловушка-то пуста. Хо! Хо!

– Слушай же, – сказала Багира, – теперь в моей крови нет лихорадки. Пусть они застанут там меня. После встречи со мной немногие решатся выглянуть из своих домов. Не в первый раз попаду я в клетку, и вряд ли «эти» свяжут меня верёвками.

– Но поступай же благоразумно, – со смехом сказал Маугли; он теперь был так же весел, как пантера, которая скользнула в хижину.

– Фу, – проворчала Багира, – это место пропахло человеком. Но вот совершенно такая же кровать, какую устроили для меня в королевских клетках Удейпура. Я ложусь. – Маугли услышал, как кровать заскрипела под тяжестью крупного зверя. – Клянусь освободившим меня сломанным замком, им покажется, будто поймали крупную дичь. Иди сюда и сядь рядом со мной, Маленький Брат; мы вместе отлично поохотимся.

– Нет, у меня другое на уме. Люди не должны знать, что я принимал участие в этом деле. Охоться одна; я не хочу видеть их.

– Пусть так и будет, – согласилась Багира. – Ага, они идут.

Совещание под деревом в отдалённом конце деревни становилось всё шумнее и закончилось дикими криками и быстрым топотом ног; мужчины и женщины двигались по улице, размахивая палками, бамбуковыми тростями, серпами и ножами. Бульдео и брамин вели эту толпу; остальные бежали следом и кричали:

– Ведьма и колдун! Посмотрим, не заставят ли их сознаться горячие монеты! Зажгите крышу! Мы научим их принимать оборотней-волков! Нет, прежде избеите их! Факелов, больше факелов! Бульдео, заряжай ружьё!

Вышло маленькое затруднение с замком. Он был хорошо приделан; тем не менее толпа вырвала его из дверей, и поток света факелов влился в комнату, где во всю свою длину, скрестив лапы и слегка свешиваясь с одного края постели, лежала Багира, чёрная, как дёготь, и страшная, как демон. Прошло несколько мгновений полной отчаяния тишины, во время которой первые ряды людей, царапаясь, прорывали себе путь к порогу. Багира же подняла голову и зевнула изысканным образом, с умышленной медлительностью; так она поступала всегда, желая оскорбить существо, равное себе. Её зазубренные губы втянулись и поднялись; красный язык изогнулся вверх; нижняя челюсть постепенно опускалась; и, наконец, можно было увидеть начало её гортани; исполинские зубы Багиры обнажились до самых дёсен, потом верхние ударились о нижние с лязгом стальных затворов несгораемого ящика. Через мгновение комната опустела. Багира выскочила из окна и остановилась рядом с Маугли. Между тем кричащий, вопящий людской поток бежал по улице; поселяне толкали друг друга в паническом желании поскорее добраться до своих домов.

– Никто из них не пошевелится до рассвета, – сказала Багира. – А что теперь?

Поселение охватила как бы тишина полуденного отдыха, но когда Маугли и пантера прислушались, они уловили скрип тяжёлых ящиков для зёрна о земляные полы: их приставляли к дверям. Багира была вполне права; деревня не могла бы двинуться до рассвета. Маугли сидел молча и думал, и его лицо делалось всё мрачнее и мрачнее.

– Что я сделала? – наконец, ласкаясь, спросила его Багира.

– Много хорошего. Теперь сторожи их до утра. Я же засну.

Маугли убежал в джунгли, как мёртвый упал на камень, заснул и проспал целый день и целую ночь.

Когда он открыл глаза, подле него стояла Багира, а у его ног лежал только что убитый олень. Багира с любопытством наблюдала, как Маугли начал работать своим ножом для снятия кож, как он ел и пил. Наконец он снова улёгся, положив подбородок на руки.

- Этот человек и его жена благополучно дошли до того места, с которого можно видеть Кханивару, - сказала ему Багира. - Волчица Мать прислала это известие с коршуном Чилем. Ещё до полуночи они нашли лошадь и двигались очень быстро. Разве всё это не хорошо?

- Хорошо, - сказал Маугли.

- А людская стая в деревне не шевелилась, пока сегодня утром солнце не поднялось высоко. Тогда они быстро поели и побежали снова в свои дома.

- Не видели ли они тебя?

- Может быть, и видели. На заре я валялась в росе перед воротами и, кажется, спела песенку. Теперь, Маленький Брат, там больше нечего делать. Пойдём на охоту со мною и с Баллу. Он хочет показать тебе новые соты, и мы все желаем, чтобы ты вернулся, и всё пошло по-старому. Измени выражение своего лица; оно пугает даже меня. Их не бросят в Красный Цветок, а в джунглях всё хорошо. Разве это неправда? Забудем о людях.

- Через некоторое время мы забудем о них. Где в эту ночь пасётся Хати?

- Где вздумается. Разве можно отвечать за Молчаливого? Но почему ты спрашиваешь? Что может сделать Хати, чего не в силах сделать мы?

- Скажи ему, чтобы он пришёл сюда ко мне и привёл с собой своих трёх сыновей.

- Право, Маленький Брат... уверяю тебя, совсем... совсем неприлично говорить Хати «поди сюда» или «уходи». Вспомни, он господин джунглей, и раньше, чем люди изменили твоё лицо, учил тебя Великим Словам.

– Это всё равно. У меня есть Великое Слово для него. Скажи ему, чтобы он пришёл к Маугли-лягушке, а если он не сразу послушается, скажи, чтобы он пришёл ради уничтожения полей Буртпора.

– Уничтожение полей Буртпора, – несколько раз повторила Багира, чтобы не забыть. – Я иду. Ведь в худшем случае Хати только рассердится, а я отдала бы охоту за целую луну, чтобы услышать слово, которое заставит Молчаливого сделать то или другое.

Багира ушла; Маугли яростно бил в землю своим ножом. До сих пор он ещё никогда не видал человеческой крови, и (что подействовало на него очень сильно) ощутил запах крови Мессуа на ремнях, которые связывали её. А Мессуа обращалась с ним хорошо, и, насколько Маугли мог чувствовать любовь, он любил эту женщину так же сильно, как ненавидел весь остальной человеческий род. Но, как ни глубоко презирал он людей, их язык, их жестокость, их трусость, ничто из даров джунглей не заставило бы его отнять жизнь у кого-либо из поселян и снова почувствовать ужасный запах их крови. Он составил план более простой и в то же время более действенный. Маугли улыбался при мысли, что именно одна из историй, которые Бульдео, бывало, рассказывал под деревом, породила в его голове новый замысел.

– Я сказала, действительно, Великое Слово, – шепнула ему на ухо Багира. – Они паслись подле реки и послушались сразу, точно домашние волы. Смотри, вот они.

Хати и его три сына, по обыкновению, пришли безмолвно. Речной ил ещё не засох на них, и Хати задумчиво дожёвывал зелёный ствол молодого деревца, которое он вырвал своими бивнями. Тем не менее каждый изгиб его огромного тела показывал Багире, умевшей читать подобные признаки, что перед нею не хозяин джунглей, говорящий с человеческим детёнышем, а существо, боящееся предстать перед тем, кто не испытывал страха. Три сына Хати, покачиваясь, шли вслед за своим отцом.

Хати сказал Маугли: «Хорошей охоты», но Маугли только слегка поднял голову. Он предоставил возможность слону долго качаться, переступая с одной ноги на другую, прежде чем заговорил; разжав же губы, обратился к Багире, а не к слонам.

– Я расскажу историю, слышанную мной от охотника, за которым ты сегодня

охотилась, – начал Маугли. – Речь пойдёт о слоне старом и мудром: он упал в ловушку, и заострённый кол в яме прорвал ему кожу от ступни до верха его плеча; на этой коже остался белый шрам. – Маугли поднял руку; Хати повернулся, и свет упал на длинный белый рубец на его боку аспидно-серого цвета; можно было подумать, что огромное животное когда-то ударили раскалённым железом. – Пришли люди, чтобы вынуть его из ямы, – продолжал Маугли, – но он был могуч, разорвал верёвки, ушёл и не показывался, пока его рана не зажила. Тогда он, гневный, вернулся ночью к полям этих охотников... А, вспоминаю: у него были три сына... Это произошло много дождей тому назад и очень далеко отсюда, посреди полей Буртпора. Что случилось с этими полями во время следующей жатвы, Хати?

– Их сжали мы: я и мои три сына, – ответил слон.

– А кто их пахал, как это обыкновенно делается после жатвы? – спросил Маугли.

– Никто не пахал, – сказал Хати.

– А что сделалось с людьми, жившими подле зелёных всходов? – продолжал Маугли.

– Они ушли.

– А с домами, в которых спали люди?

– Мы разорвали их крыши на куски, джунгли же поглотили их стены, – объяснил Хати.

– Что было потом? – спросил Маугли.

– Две ночи я должен идти от востока к западу и три ночи от севера к югу, чтобы пересечь вдоль и поперёк область, которой завладели джунгли; пять поселений поглотили они также; в этих деревнях, на полях, на пастбищах, среди рыхлых пашен, теперь нет ни одного человека, который извлекал бы свою пищу из земли. Вот как я и трое моих сыновей разграбили поля Буртпора. Но скажи, человеческий детёныш, как весть об этом дошла до тебя? – произнёс Хати.

– Мне об этом сказал один человек, и я вижу, что даже Бульдео иногда говорит правду. Ты хорошо работал тогда, Хати с белым рубцом; но во второй раз ты выполнишь задачу ещё лучше, потому что тебя будет

направлять человек. Ты знаешь поселение тех людей, которые выгнали меня? Все они ленивы, безрассудны и жестоки; их рты вечно работают. Более слабых они убивают не для пищи, а ради забавы. Они охотно бросают своих же родичей в Красный Цветок. Я это видел. Нехорошо, чтобы они оставались здесь. Я ненавижу их.

– Так иди и убей, – сказал младший сын Хати; он поднял куст травы, сбил с него пыль о свои передние ноги и отбросил прочь, а его красные глазки украдкой смотрели то в одну, то в другую сторону.

– На что мне белые кости? – сердито спросил Маугли. – Разве я волчонок, чтобы играть на солнце обглоданным черепом? Я убил Шер Хана и пригвоздил его шкуру к Скале Совета, но... но я не знаю, куда девался Шер Хан, и в желудке у меня всё ещё пусто. Теперь я возьму то, что могу видеть и трогать. Двинь джунгли на эту деревню, Хати.

Багира задрожала и прижалась к земле. Она понимала, что в крайнем случае можно быстро пронестись по сельской улице и, раздавая в толпе удары вправо и влево, ловко убивать людей, когда они пашут в сумерках, но этот план уничтожения целой деревни, которая должна была исчезнуть, пугал её. Теперь пантера поняла, зачем Маугли послал за Хати. Только много проживший слон мог исполнить план такой войны.

– Пусть они убегут, как убежали люди от полей Буртпора, чтобы землю пахала только дождевая вода, чтобы только шум дождя, падающего на густые листья, раздавался вместо треска их веретён; пусть мы с Багирой поселимся в доме брамина и олень приходит пить из водоёма позади храма. Впусти в деревню джунгли, Хати.

– Но я... но мы не ссорились с этими людьми, а срывать крыши с тех мест, где ночуют люди, мы можем только когда нами владеет красное бешенство сильной боли, – с сомнением заметил Хати.

– Разве вы единственные поедатели травы в джунглях? Пригоните себе подобных. Пусть олени, кабаны и нильгау позаботятся об этом. Пока поля не обнажатся окончательно, вам незачем и показываться. Двинь джунгли, Хати.

– Убивать не будут? При разграблении полей Буртпора мои бивни покраснели, а мне так не хотелось бы снова почувствовать запах крови.

– Мне также. Я даже не желаю, чтобы их кости лежали на чистой земле. Пусть уходят и отыщут новые логовища. Им нельзя оставаться здесь. Я

видел и нюхал кровь женщины, дававшей мне пищу. Без меня её убили бы. Только аромат молодой травы, которая покроев их пороги, уничтожит этот запах. От него у меня во рту горит. Впусти джунгли в деревню, Хати!

– А, – произнёс Хати. – Так горел шрам на моей коже, пока деревни не погибли под весенними порослями. Теперь я понимаю. Твоя война будет нашей войной. Мы впустим джунгли в поселение людей.

Маугли едва успел перевести дыхание (он весь дрожал от ненависти и злобы), как место, где стояли слоны, опустело.

Багира с ужасом смотрела на него.

– Клянусь освободившим меня сломанным замком, – наконец сказала пантера, – я не узнаю в тебе того бесшёрстого существа, за которого я заступилась перед стаей, когда ты только появился в джунглях. Властитель джунглей, заступись за меня, когда я потеряю силу, заступись за Балу, заступись за всех нас! В сравнении с тобой мы – бессильные детёныши. Ветки, ломающиеся под ногой. Оленята, отставшие от своей лани.

Мысль, что Багира – заблудившийся детёныш лани, совсем расстроила Маугли. Он расхохотался, задыхаясь, замолчал, зарыдал, снова засмеялся, наконец, прыгнул в озерко, чтобы справиться с собой. Он проплыл несколько кругов, то нырял в полосы лунного света, то снова показывался на поверхности воды, точно настоящая лягушка, его тёзка.

Хати и три его сына разошлись в разные стороны и молчаливо двинулись по долинам. Они не останавливались, и через двое суток очутились в шестидесяти милях от джунглей: Мант, летучая мышь, Чиль, Племя Обезьян и птицы подмечали каждый их шаг, каждое движение их хоботов и толковали обо всём. Наконец, слоны принялись пастись и паслись приблизительно около недели. Хати и его сыновья в некоторых отношениях походят на Каа, питона скал. Они не торопятся, когда дело касается еды.

К концу недели в джунглях прошёл слух (кто его пустил, неизвестно), что в такой-то и такой долине изумительная трава и прекрасная чистая вода. Кабаны, которые готовы бежать хоть на край земли с целью хорошенько поесть, двинулись первые; они шли маленькими стадами, шурша ногами; их примеру последовали олени; за оленями побежали мелкие лисицы, которые питаются мёртвыми или умирающими животными; в одно время с ними тронулись широкоплечие антилопы, нильгау, а за нильгау началось шествие

диких буйволов, покинувших свои болота. Животные эти рассеивались по долине, бродили, паслись, бегали, пили и снова начинали щипать траву; однако малейший повод мог заставить их повернуть обратно; но едва в стадах начинал зарождаться страх, всегда являлся кто-нибудь и успокаивал их. То Сахи, дикобраз, прибежал с известием, что немного дальше есть много прекрасной травы, то Манг принимался весело кричать и носиться над лесной поляной, объявляя, что в этом месте не осталось травы, или выходил Балу, набравший в рот кореньев и, волоча ноги, шёл вдоль засомневавшегося стада животных – он пугал их и неуклюжими движениями возвращал на необходимый путь. Многие животные вернулись домой или убежали прочь, но очень многие пошли вперёд. В конце второго десятка дней дело обстояло так: олени, кабаны и нильгау описывали круг радиусом в десять или восемь миль, хищники же прятались близ этого кольца. В его центре стояла деревня; около деревни созревали посевы, среди посевов сидели люди на мачанах (так называются платформы, похожие на голубятни и представляющие собой помосты, поднимающиеся на четырёх столбах). Они отпугивали птиц и других грабителей. Теперь друзья Маугли перестали действовать на оленей лаской. Плотоядные подкрадывались к ним и заставляли их идти вперёд, внутрь этого круга. Раз в тёмную ночь Хати с сыновьями скользнул из джунглей в долину; своими хоботами они переломили столбы мачанов, и платформы упали, как падает переломленный ствол молодого дерева, люди, свалившиеся вместе с ними, услышали подле себя глухой рокот, который раздаётся в горлах слонов. Передовой отряд обезумевшей армии оленей прорвался вперёд, хлынул на сельские пастбища и на вспаханные поля; вместе с ними явились и кабаны с их острыми копытами и роющими мордами; то, чего не тронули олени, испортили кабаны. Время от времени волчий вой пугал стада, и травоядные животные начинали отчаянно метаться из стороны в сторону: они топтали молодой ячмень и разрушали берега оросительных канав. Ещё до наступления зари натиск извне этого кольца в одном месте прекратился. Хищники отступили, оставив открытую дорогу к югу, и олени помчались по этому пути. Остальные, более смелые, залегли в чащах, чтобы на следующий день докончить свой пир.

Но, в общем, дело было сделано. Когда жители деревни вышли утром, они увидели, что их посевы погибли, а это значило, что их ожидала смерть; год из году голодная смерть стояла так же близко к ним, как джунгли. Буйволов выпустили, голодные животные увидели, что олени совершенно очистили пастбища и, не находя травы, ушли к своим диким родичам. Спустились

сумерки; три или четыре лошади, принадлежавшие поселянам, оказались мёртвыми в своих стойлах, их головы были пробиты. Такие удары могла нанести только Багира, и только Багира могла так дерзко выволочь труп прямо на улицу.

В эту ночь люди не решились развести костров среди полей; поэтому Хати с сыновьями расхаживали взад и вперёд, уничтожая всё оставшееся, а там, где побывал Хати, незачем искать хоть одну уцелевшую былинку. Люди решили прокормиться своими запасами посевных семян до окончания следующих дождей, а потом начать работать, как рабы, чтобы пополнить потери; но пока торговец хлебным зерном с удовольствием думал о полных закромах и размышлял, какие цены назначит он за продажу товара, острые бивни Хати подрывали углы его глиняного дома. Разбив громадную плетёную корзину, слон накинулся на её драгоценное содержимое, и буйволицы помогли ему.

Когда эта последняя проделка стала известна, наступило время действовать брамину. Он молился своим собственным богам, но напрасно. По его мнению, деревня бессознательно оскорбила богов джунглей, потому что, несомненно, джунгли обратились против них. Они послали за старостой ближайших кочующих гондов – малорослых, умных, чёрных охотников, живущих в глубине джунглей, праотцы которых произошли от одного из древнейших племён Индии. Они были первоначальными владельцами этой страны. Поселяне встретили гонда и в знак приветствия поднесли ему всё, что имели; он же стоял на одной ноге с луком в руках, а из узла волос на его голове торчало несколько отравленных стрел. Со смешанным выражением страха и презрения смотрел он на встревоженных людей и на их погибшие поля. Жители спросили гонда, не гневаются ли на них его боги, боги старинные, и если они действительно рассержены, какой жертвой можно умиловить их?

Гонд ничего не сказал; он только поднял длинную ветвь карелы, лозы, приносящей дикие горькие ягоды, и несколько раз ударил этой плетью по входу в храм, перед лицом красного индусского идола, который смотрел на него неподвижными глазами, потом помахал рукой по направлению дороги в Кханивару и ушёл обратно в свои чащи, наблюдая за кравшимся через заросли населением джунглей. Он знал, что раз джунгли двинулись, только белые люди могут надеяться отвратить их наступление.

Нечего было и спрашивать, что означали его поступки. Дикая лоза заплетёт

храм, в котором люди поклонялись своему божеству, и чем скорее переселятся они в другое место, тем будет для них лучше.

Но трудно вырвать жителей из той области, к которой они привыкли. Люди оставались в своих домах, пока у них ещё были летние запасы. Несколько раз они также пробовали собирать в джунглях орехи; но за ними наблюдали тени с пылающими глазами и даже в полдень мелькали перед ними, когда, полные ужаса, люди возвращались бегом, чтобы укрыться в своих жилищах, с тех деревьев, мимо которых они только что пробежали, падала кора, вся разорванная, как бы срезанная ударом огромной когтистой лапы. Чем дольше оставались люди в своих домах, тем смелее становились дикие звери, с рёвом носившиеся по пастбищам. Жители не имели времени заделать и покрыть штукатуркой стены опустевших хлевов: кабаны топтали их, лианы с узловатыми корнями спешили по их следам, захватывая вновь завоёванную почву; за лианами поднималась, как щетина, жёсткая трава, её былинки походили на копья армии кобальдов. Прежде всех обратились в бегство холостые люди, разнося повсюду весть, что их деревня обречена. «Кто может бороться, – говорили они, – с джунглями или с богами джунглей, когда даже деревенская кобра уползла из своей норы в платформе под развесистым деревом?» Пробитые тропинки зарастали, их делалось меньше, и связи жителей с окружающим миром уменьшались. Наконец, ночные крики Хати и его трёх сыновей перестали волновать людей: они знали, что слоны не могут похитить ничего больше. Урожай на полях, семенное зерно, всё взято. Отдалённые поля уже утрачивали вид обработанной земли, и земледельцы чувствовали, что им пора обратиться к милосердию англичан в Кханиваре.

По обычаю туземцев, они всё откладывали своё переселение, и, наконец, их застали первые дожди; через полуразрушенные крыши вода потоком вливалась в их дома; на пастбищах образовались озёра глубиной до щиколотки ноги человека, и после летнего зноя повсюду забушевала жизнь. Наконец поселяне вышли из деревни, ступая по воде; мужчины, женщины и дети брели под ослепляющим тёплым, утренним ливнем и, понятно, обернулись, чтобы в последний раз взглянуть на свои дома.

Как раз в то время, когда последнее нагружённое вещами семейство вереницей проходило через ворота, послышался треск ломающихся стропил и крыш. Поселяне увидели, как на мгновение поднялся блестящий, извивающийся, как змея, чёрный хобот, который разбрасывал промокшую настилку крыши. Он исчез; пронёсся новый грохот; вслед за тем – вопль.

Хати срывал крыши с домов, как вы собираете водяные лилии, и отскочившее бревно его ударило. Нужна была только эта боль, чтобы в нём проявилась вся сила: в джунглях нет ни одного такого безумного разрушителя, как взбешённый слон. Задними ногами он ударил в глиняную стену, она рассыпалась и под дождём превратилась в жёлтую грязь. С визгом повернулся Хати на одном месте, помчался по узким улицам, прислонялся то к одной, то к другой хижине, справа и слева, потрясая старые двери, обращая в щепки стропила крыш, а позади него три молодые слона свирепствовали, как тогда, при разграблении полей Буртпора.

– Джунгли поглотят остатки, – произнёс спокойный голос среди обломков. – Нужно разрушить внешнюю ограду.

И Маугли, весь блестящий от дождя, струившегося по его обнажённым плечам и рукам, отскочил от стены, которая начала оседать на землю, точно утомлённый буйвол.

– Всё в своё время, – задыхаясь, крикнул Хати. – Ах, в Буртпоре мои бивни покраснели! Ну, на внешнюю стену, дети! Головой! Все сразу! Ну!

Четыре слона, стоя рядом, наклонили головы; внешняя ограда выгнулась, треснула и упала, и люди, онемевшие от ужаса, увидели дикие, забрызганные глиной головы разрушителей, которые выглянули из зияющего пролома. Тогда люди бросились бежать по долине; у них не было ни домов, ни пищи, а их дома, разрушенные, разбросанные, истоптанные, таяли позади них.

Через месяц там, где стояла деревня, возвышался покрытый углублениями холм; мягкая молодая зелёная растительность уже одела его; когда же дожди окончились, ревущие джунгли завладели огромным пространством земли, на котором менее чем полгода назад расстилались вспаханные поля.